интеграторов» в прозе А. Блока в [4, с. 341—353]. Автор указывает на связь этой особенности интеллектуальных построений Блока с неомифологизмом. Но и эстетика Гегеля, при всем ее рационализме,— порождение постромантической эпохи и сохраняет глубинную и одновременно осознанную ориентацию на миф.) Предмет такого рода требует особых методов описания и анализа.

Как показывает практика (см. [5]), методологически продуктивно сопоставление таких систем друг с другом, особенно тогда, когда они либо строятся на полярно противоположных исходных идеях-образах, либо являют собой взаимоисключающие или взаимодополняющие интерпретации одной и той же традиционной идеи (ко второму типу относится приведенный нами пример).

Для аналитического описания поэтики Гегеля как системы мы избираем в качестве контрастного фона эстетику словесного творчества Бахтина. В обоснование такого выбора можно привести целый ряд аргументов как частного, так и общего характера.

Что касается собственно поэтики, то бросается в глаза прежде всего различие в выборе ведущих категорий и в их соотношении. У Гегеля акцентирован род, у Бахтина — жанр. Для первого и роман — «эпос», для второго «эпос» — только эпопея, которая, с его точки зрения, ни в какую общую с романом структуру вписаться не может. Если говорить о соотношении поэтики с эстетикой, то и здесь на почве необходимой для обоих авторов связи этих дисциплин возникают противоположные истолкования их единства и различия. В особенности показателен вопрос о слове как материале искусства.

Гегель уделяет специфирующей роли материала разных искусств большое внимание. Но в случае с поэзией *материалом* он признает «саму фантазию», «само внутреннее представление и созерцание», «только средством» для которого служит «стихия языка» [1, т. 3, с. 347—348, 350]. Внешняя реальность поэтического представления — «всего лишь знак», а потому «без существенного падения ценности литературное произведение можно переводить на другие языки, а стихотворную речь можно перелагать в прозу и тем самым переносить в совершенно новые условия звучания» [1, т. 3, с. 347—350]. По отношению к слову гегелевская «философия художественного творчества» в первую очередь — эстетика образа, который может быть воплощен в любом материале. Бахтинская же «эстетика словесного творчества» прежде всего, как известно,— философия слова, языка и высказывания.

Особого внимания заслуживает еще один момент. В рамках обеих научных систем исследованию подлежит прежде всего художественное произведение как основной факт искусства. Но Гегель при этом имеет в виду «идеальное произведение»; те же реальные отдельные произведения, которые так или иначе упоминаются или рассматриваются в «Лекциях», с его точки зрения,— относительно адекватные или неадекватные реализации идеальной модели, сконструированной на основе общих философских предпосылок. У Бахтина мы сталкиваемся именно с обратным ходом мысли. В работе «К философии поступка», намереваясь дать «описание действительной конкретной архитектоники ценностного переживания мира», он считает необходимым *предварительный* анализ «мира эстетического видения — мира искусства», причем решает эту задачу посредством анализа стихотворения Пушкина «Для берегов отчизны дальной» [6, с. 127—128, 131—137].

Мы коснулись пока только наиболее очевидных различий двух поэтик и эстетик, но уже есть основания полагать, что их противоположность далеко не случайна и сравнение может иметь определенную эвристическую ценность.

Не пытаясь предвосхитить выводы исследования, мы хотели бы не терять из вида его сквозную единую перспективу. Лишь с этой целью уже здесь обратим внимание на противоположность и взаимодополнительность категорий, определяющих методологические предпосылки и мировоззренческий пафос сопоставляемых научных систем: категорий *диалектики* и *диалога*.